

№ 13

РУССКІЯ ВЪ ДОМОСТИ

5

Къ біографическимъ матеріаламъ объ А. П. Чеховѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса у 24-лѣтняго А. П., раньше часто хворавшаго инфлуэнцей и приступами мигрени, появились первые признаки новой грозной болѣзни, — примѣсь крови къ мокротѣ. Это первое кровохарканье длилось три дня и повторилось въ мартѣ, затѣмъ возвращалось ежегодно весной. Такъ говорилъ самъ А. П. ординатору, записывавшему исторію его болѣзни. Въ напечатанныхъ біографическихъ статьяхъ не было точнаго и совпадающаго съ дѣйствительностью указанія на начало заболѣванія писателя. Во время кровохарканья, начавшагося 21-го марта 1897 года, А. П. обратился къ проф. А. А. Остроумову. Съ визитной карточкой профессора, на которой было написано: «Принять въ клинику Антона Павловича Чехова», послѣдній 25-го марта, — въ весенній праздничный день, — поступилъ въ госпитально-терапевтическую клинику. А. П. имѣлъ истощенный видъ, длинную, узкую грудь (окружность груди была равна 90 сант.), что особенно было замѣтно при его ростѣ, малый вѣсъ (немного болѣе 3½ пудовъ), наклонность къ зябкости, уменьшенное количество красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Помѣстивъ Чехова въ палатѣ № 14, большой комнатѣ, освѣщаемой двумя большими окнами, имѣвшей четыре кровати, два массивныхъ кресла, ординаторскую конторку, а посреди круглый столъ. Первую кровать палаты занялъ А. П. Сначала онъ долженъ былъ лежать молча, имѣя ледъ на груди. Когда количество крови стало уменьшаться, А. П. пытался шутить и смѣяться, отъ чего его постоянно удерживали. На седьмой день кровохарканье прекратилось совершенно. Теперь доктора получили возможность выслушать и выстукивать больного, а онъ — ходить и разговаривать. А. П. любилъ бродить по длинному клиническому корридору, бродилъ даже ночью, спасаясь отъ бессонницы и отдаваясь своимъ думамъ. Много разговаривалъ о земской медицинѣ съ бывшимъ ординаторомъ глазной клиники П. И. Радзивицкимъ.

Вся сосѣдняя кровать была завалена газетами. Книгъ было также много. Но о томъ, что писалъ и что читалъ, А. П. не говорилъ. Газеты читалъ онъ, сидя въ массивномъ клеенчатомъ креслѣ, которое стояло около постели. Въ своей шляпѣ съ широкими полями и полутепломъ пальто онъ выходилъ подышать весеннимъ воздухомъ. Сидя на скамьѣ около клиническаго подъѣзда, грѣясь на привѣтливомъ весеннемъ солнцѣ, любовался на уголокъ свѣтло-синихъ небесъ, на сіяющій куполъ Новодѣвичьяго монастыря, красиво поднимающійся къ поднебесью. Въ извѣстные часы къ нему приходили почитатели его таланта. Бывали дамы, приносившія цвѣты, — гиацинты и розы.

Былъ у него графъ Л. Н. Толстой, и Левъ Николаевичъ и Антонъ Павловичъ, гуляя по корридору, громко разговаривали.

А. П. поражалъ и плѣнялъ докторовъ своей бодростью, смѣхомъ и шутками. Свою болѣзнь онъ считалъ находящейся въ менѣе серьезной стадіи, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ *пораженіе верхушекъ было двустороннее, большое; влажные хрипы слышались надъ углами лопатокъ.* Къ своей болѣзни А. П. въ клиникѣ относился съ чрезвычайно большимъ интересомъ и, не любя вполнѣдствіи разговоровъ на эту тему, теперь много расспрашивалъ ассистента и ординатора, особенно хотѣлъ знать результаты выстукиванія, выслушиванія и микроскопическаго изслѣдованія. Последнее обнаруживало коховскія палочки.

Антону Павловичу говорили, но не все, — многое скрывали. Проф. А. А. Остроумовъ всегда подробно справлялся о больномъ писателѣ. Къ концу второй недѣли А. П. значительно поправился, а «окончательно по-

правяюся, — говорилъ онъ иногда, — когда умру». Правда, несмотря на всѣ старанія поднять въ немъ питаніе, въ вѣсѣ онъ не увеличился ни на полфунта, но у него на 5% увеличилось количество гемоглобина крови и на 30,000 число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Вообще онъ окрѣлъ замѣтно.

По выходѣ изъ клиники А. П. посѣтилъ ассистента клиники г. Ансорова, подарилъ ему со своимъ автографомъ и подписью «Островъ Сахалинъ», а ординатору М. Н. Маслову — «Дуэль», «Нестрые рассказы» и свою фотографическую карточку, на которой русскими буквами написалъ латышское названіе своей болѣзни, едѣлавъ ошибку: «гѣмофтизисъ» (ошибочно вмѣсто «гемонтизисъ»). Въ клиникѣ ему былъ данъ совѣтъ поѣхать на югъ, что онъ и исполнилъ. После этого пребыванія въ клиникѣ А. П. прожилъ только семь лѣтъ. Въ июлѣ 1904 г. его, уже бездыханнаго, пронесли мимо оконъ палаты, въ которой онъ лежалъ, мимо скамейки, сидя на которой онъ любовался тепломъ, лаской и свѣтомъ весны, набирался силъ и вѣры въ жизнь. На этотъ разъ природа была грустна; минутами лалъ сильный дождь. И уже не блестя въ таинственно и загадочно купель Новодевичьяго монастыря. Только на другой день, послѣ того, какъ у подножія храма и подъ тѣнью цвѣтущей липы былъ скрытъ источникъ таланта, гордость Россіи, всѣми любимый поэтъ, природа какъ-будто бы примирилась: вечеромъ заиграла всеми красками и ласками лѣта. Трудно и почти невозможно было найти примиреніе, и сего его находилъ, то только въ бессмертін духа А. П., живущаго въ каждой страницѣ и строчкѣ, въ каждомъ образѣ, оставленномъ намъ.

Д. И. Авбукинъ.

Комментарий

Остроумов Алексей Александрович (1844–1908) – врач-терапевт, ученик Г.А. Захарьина, основатель крупной научной школы, профессор Московского университета. Чехов посещал лекции Остроумова во время учебы в университете и высоко ценил как врачей Остроумова и его учителя Захарьина.

Радзивицкий Петр Игнатьевич (? – после 1913) – врач-окулист, ординатор Московской глазной клиники, в 1897 г. приезжал в Мелихово, оказывал Чехову медицинскую помощь, корреспондент Чехова.

Ансеров Александр Алексеевич (1856–1913) – московский врач, ассистент клиники Остроумова.